

Jelena Łucenko

Трансформация концепции Эроса Платона в философско-этическом творчестве Бориса Вышеславцева

Acta Polono-Ruthenica 11, 137-143

2006

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Jelena Łucenko
Dniepropietrowsk

Трансформация концепции Эроса Платона в философско-этическом творчестве Бориса Вышеславцева

Творчество Бориса Вышеславцева заканчивает многовековую традицию истории русской религиозной мысли. Оно вошло в русскую и европейскую культуру, главным образом, философией „сердца” и „новой” этикой, изложенной в работе *Этика преображенного Эроса*. Создание „новой” этики отвечало духу времени, так как идея „нового” человека была центральной темой для русских интеллектуалов, начиная с поэтов-символистов 10-х годов и педологов 30-х. Эта „новая этика” – этика преображенного Эроса соединила в себе христианский Платонизм и современный психоанализ, который, открыв область подсознательного, существенно изменил понимание человеческой природы.

В свете открытий психоаналитической школы мыслитель осваивает понятие „сублимации”, которое для него есть преображение души, возвышение, создание новой, ранее не бывшей ступени бытия. Она начинается в глубинах подсознания, поэтому эта этика противоположна морализму, категорическому императиву, этике обязанности, она выходит из предпосылок проблемы сублимации. Таким образом, для Вышеславцева „новая этика” – это сублимированная этика.

Вышеславцев призывает найти контакт с подсознанием, ставит в центр своих исследований задачу уяснить моральный процесс движений человеческой души. Закон при своей рациональности и императивности бессильно овладеть подсознанием, аффективной глубиной человеческой души. Само наличие законной формы (ты должен!) является искушением преступить его (тема преступления в творчестве Вышеславцева). Для философа движущая сила человеческой души – Эрос. Такой подход не случаен: в начале XX века „Эрос решительно преобладал над Логосом”¹. Вышеславцев принимает платоновское понимание Эроса в качестве общей

¹ Н. Бердяев, *Самопознание*, Москва 1990, с. 140.

парадигмальной производящей основы философско-этических воззрений об Эросе.

Платон, сознательно пережив эротический кризис, кладёт понятие Эроса в основу всей своей последующей философии. Для него той нитью Ариадны, которая соединяет всё со всем, одновременно объясняет всё и запутывает во всём, есть Эрос – могущественнейшая движущая сила жизни. Эволюция и трансформация концепции Эроса у древнегреческого философа многогранна и неоднозначна. В *Федре* Платон говорит о телесной красоте, „наслаждении” красотой, могучем влечении и могуществе любви. „Величайшие для нас блага возникают от неистовства”², – отмечает он. У философа внимание акцентируется на *mania* – исступление, страсти. Такое неистовство боги дают человеку для величайшего счастья. Ценность понимания Эроса как *mania* показывает вездесущий и все проникающий характер Эроса – это то, с чего всё начинается, и что в конечном итоге даёт счастье человеку.

В *Федре* древнегреческий мыслитель более всего говорит о душе человека, о его бессознательных страстях и импульсах. Платон рисует символическую картину: душа, потеряв крылья, падает на землю, и помрачается забвением и злом. Но, увидев на земле богоподобное существо, запечатлевшее на своем лице „красоту”, вновь „оперяется” – „вспоминает”. В этом символическом преображении души – и *тоска* по идеальному, и борьба душевных сил (добрых и злых), и открытие „рождения в красоте”. Прямого ответа, что есть „рождение в красоте”, Платон не даёт. Это ни искусство, ни бессмертие. Можно согласиться с мнением Вл. Соловьёва о том, что Эрос Платона не мыслит, не созерцает, а действует, творит, рождает. Эрос здесь активная рождающая сила³. Платон не мог не увидеть „красоты”, ибо бытие (онтология) понималась античным символизмом как „явленный лик и осмысленно-телесное изваяние”⁴. Платон из всего многообразия смыслов понятия любви выбирает именно Эрос, полный телесной жизни Эрос. Такая трактовка Эроса совершенно противоречит пониманию „платонической” любви как идеальной, бестелесной, без признака эротизма вообще.

В *Пире* представлена онтологическая концепция Эроса. В уста своих собеседников Платон вкладывает различные понятия Эроса, но отражающие настоящую сущность этой многогранной категории.

² Платон, *Федр*, [в:] idem, *Собрание сочинений в 4 томах*, т. 2, Москва 1993, с. 153.

³ В. Соловьёв, *Жизненная драма Платона*, [в:] idem, *Сочинения в 2-х томах*, т. 2, Москва 1988, с. 614.

⁴ А.Ф. Лосев, *Очерки античного символизма и мифологии*, Москва 1993, с. 96.

Федр убеждён, что Эрот – один из самых древних богов. Именно Эрот – „первоисточник величайших благ”⁵, учит жить человека безупречно. Как? – Стыдясь постыдного и честолюбиво стремясь к прекрасному. Здесь указывается на изначальность существования Эрота при сотворении мира, а также намечается идея о стремлении к прекрасному.

Павсаний утверждает, что Эротов много: если Афродиты две, то и Эротов тоже два – земной и небесный. Афродита находится в центре Вселенной и управляет всем. Эрос – та сила, которая связывает противоположные категории: свет и тьму, добро и зло, мужское и женское. Платон открывает идею двойственности Эроса в самой его природе.

Речь Эрихсимаха, утверждающего мысль о космичности и разлитости Эрота во всей природе, подтверждает противоречивость, антиномичность Эроса в принципе. Миф об андрогинах – существах, в которых воплощено это вечное стремление к изначальной целостности – также тому доказательство. Аристофан показывает, что любовь – это жажда и стремление обрести совершенство с другим.

Сократ примиряет предыдущие концепции Эроса с мнением Агафона о совершенстве, красоте, нежности, мудрости этого Бога. Сократ говорит, что цель Эрота – овладение благом. Эрот – это всегда любовь к кому-то или чему-то. Предмет любви – то, в чем испытываешь нужду. Поэтому стремление овладеть чем-то или кем-то составляет сущность любовного чувства.

Слова Мудрой Диотимы разъясняют этот феномен „недо...” как стремление. Эрот – Бог, рождённый от Бога Пороса (воплощение богатства, мудрости) и Пении (бедность, глупость) и потому занимающий промежуточное место среди богов и людей.

А.Ф. Лосев справедливо отмечает срединность положения Эрота⁶. Исходя из такого положения – между прекрасным и уродливым, вечным и смертным – Эрос есть лишь стремление, сфера всецело становящаяся, умирающая и вновь возрождающая. Сущность, находящаяся вечно в пути, объясняет Эрот как рождение в красоте.

Б. Вышеславцев воспринимает именно эту концепцию Платона об Эросе „как стремление, устремленность и стремительность нашего существа”. Эрос – это не норма, не закон, не установленный порядок. Ему ничего нельзя навязать извне, приказать, подчинить к послушанию. Эрос

⁵ Платон, *Пир*, [в:] *idem, Собрание сочинений...*, т. 2, с. 87.

⁶ А.Ф. Лосев, *op. cit.*, с. 401.

сила стихийная, иррациональная, обитающая в подсознательной сфере. Подсознание обладает эротически – тендирующей природой. Низшие аффекты в подсознании представляют собой libido (страсть, чувственное вожделение, желание), mania Платона в Федре. Вышеславцев признаёт заслугу З. Фрейда в открытии этого феномена, но считает, что нельзя замыкаться только на либидинозном характере Эроса. Эрос – это не только чувственное влечение. Всякая истинная „влюбленность” выходит за пределы сексуальности и воспринимает напоминание о ней как профанацию любви. „Это его (Эроса) корни и цветы, но не всеобъемлющее древо жизни”, – замечает философ⁷. Взрастить древо жизни, по мнению Вышеславцева, можно сублимируя (преображая) низшие аффекты во что-то высшее. Сублимация как выражение платонова Эроса есть возведение бытия по ступеням иерархии снизу вверх (Эрос поэзии, политики, Эрос философии). Сублимация имеет два начала: низшие аффекты, подсознательные стремления (libido) и высшую ценность, существующую в идеальном мире. „Если нет ничего и никого надо мной, тогда истинная сублимация невозможна”⁸.

Трансформируя идею платонического Эроса, Вышеславцев последней ступенью возвышения Эроса видит обращение к *Божественному Абсолюту*. По мнению философа, христианская религия есть религия абсолютно-желанного. Она обещает человеку всё, что он может поистине желать: красоту, блаженство, вечную жизнь, полноту Богообщения. Желание, стремление, Эрос человека – это ответ снизу на божественное абсолютно-ценное Слово сверху. Только призыв, обращение, а не приказ, принуждение может найти отклик в сердце человека и откликнуться стремлением Эроса.

Таким образом для Вышеславцева Эрос есть стремление к Высшему, дольнему. Эрос человека по своему существу жаждет, ищет полноты жизни. Это своеобразная „гарантия” изначальной устремленности к Христу. Ибо образ Христа для русского религиозного сознания, „особенно чувствительного к видению умной »красоты« – всегда полнота, избыток жизни, воскрешение, победа над смертью, воплощение всех ценностей”⁹.

Вышеславцев по-своему трактует „рождение в красоте”, недоговоренное Платоном¹⁰. Эрос – это стремление к красоте „Нормальный” („неизвращённый” – сын Пинии) Эрос человека имеет свою логику: он любит всё прекрасное,

⁷ Б. Вышеславцев, *Этика преображенного Эроса*, Москва 1994, с. 46.

⁸ Б. Вышеславцев, *Вечное в русской философии*, [в:] idem, *Этика...*, с. 200.

⁹ Б. Вышеславцев, *Этика...*, с. 68.

¹⁰ В. Соловьёв, *Жизненная драма Платона...*, с. 614.

пленительное, возвышенное. Такой Эрос (сын Пороса) устремлён к прекрасному образу. Любить можно Тот образ, которым можно „любоваться”. Между Эросом и его „предметом” есть кровная связь. Эрос устремляется *только*, к тому, что переживает как своё родное, желанное, как своё порождение. Любить можно только конкретный образ. И если любить идеал, то только воплощенный в живом лице. Любовь к прекрасной мечте и прекрасному реальному лицу – нечто совершенно различное. Отсюда важность решения вопроса для христианского сознания: был ли Христос конкретной исторической личностью? Эрос постоянно ищет и воспримет лишь тот образ, который соответствует его предчувствиям, фантазиям и скрытым желаниям. *Это то, что я искал*, – воскликнет Эрос. (У Платона это припоминание: „я где-то видел этот образ, он мне давно знаком!”.) Другими словами, образ совпадает с *anima* Эроса.

Эрос – это сила, которая соединяет людей. Любовь преобразует человека, когда Эрос „вселяется” в человека. Любовь есть состояние преобразенного человека. Эрос выводит человека за пределы реальности. Он „уже не фантазирует, а гадает и нечто угадывает в области иной реальности, столь же реальной, или более реальной, нежели я сам. Любовь к живому человеку, живому Богу преобразует человека воистину”¹¹.

На наш взгляд, платоновская идея об андрогинности особенно не прижилась на ниве философско-этических рассуждений Вышеславцева о природе Эроса. Ему намного ближе была тема раздвоенности, антиномичности Эроса, ибо стремление в своём существе диалектично. Платон изобразил бродячий, капризный, ищущий характер Эроса: таков он во всех сферах человеческого бытия (и в любви, и в смене поколений, и в политике, и в философии). Исходя из своей двойственности (сын Пороса и Пенни), он всегда находится в срединном положении. Эрос – та сила, которая соединяет и связывает то, что уже есть, и то, что ещё не существует.

Концепция раздвоенности и антиномичности Эроса плавно ложится на общие философские представления мыслителя. Вышеславцев во всём видел антиномичность: мир, человек, всё бытие, по его мнению, состоит из глубочайших противоречий. Философия в своих прозрениях так же антиномична, как и сама жизнь в своих трагизмах.

Иррациональность и непознанность Эроса представляет для философа особый интерес. Если согласиться с мнением Ф. Ницше и К.Г. Юнга, оправдывавших идею сведения философских интенций к личной жизни их

¹¹ Б. Вышеславцев, *Этика...*, с. 71.

автора, то некоторая тайна загадки увлечения иррациональным Вышеславцева проясняется. Философ был глубоко убеждён, что „человек в своих действиях, в своих актах никогда не бывает рационально детерминирован, он „решается” именно тогда, когда не находит рационального „разрешения”, он действует на свой риск и страх, не зная до конца, что есть и что должно быть”¹². Именно так Вышеславцев, не найдя рационального решения спора с М. Ковалевским¹³, потерял самообладание и избил последнего¹⁴. То есть, перефразируя Платона, можно сказать: философом владел „извращённый” (злой) Эрос – он „вышел” из себя.

В теории любви Вышеславцев также представитель философско-платонического направления. Размышляя над тем, что же любят в человеке, если это подлинная любовь, он считает, что любят истинную самость другого. Самость невидима, непознана разумом. Существует „нездешний” человек, как и „нездешний” Бог. Эта мистическая сущность человека недоступна ни физике, ни биологии, ни психологии, а открыта только „сердцу” (отсюда популярность темы сердца в философском творчестве Вышеславцева). Любовь Ф. Достоевского и Марии де Констан – пример любви не эротической. Это половинки, но не соединённые в земном мире. – трансцендентальный идеал андрогинного соединения. „Она любила его: идеальное »Я«, но никогда не могла, в сущности эротически, принять его земную, эпилептическую оболочку. Он тоже любил её как сестру”¹⁵.

Итак, Вышеславцев принимает концепцию платоновского Эроса как стремление. Эрос не имеет законченной формы, ярко вычерченного содержания и определения сущности.

Эрос антиномичен и двойственен (сын мудрости и глупости, богатства в бедности). Эрос – переходное состояние, пребывание в транс. Истинная любовь – переход в другую реальность.

Эрос – сила, рождающаяся в красоте, стремление к прекрасному. Эрос вмещает создание „полноты” человеческой души.

Устремленность Эроса определяет всю динамику душевной жизни человека. Это целостная, универсальная картина преображения души: от сублимации низших аффектов до восхождения к Абсолюту.

¹² Ibidem, с. 100.

¹³ Один из участников дискурса, устроенного в 1935 г. религиозно-философской академией по поводу „софиологии” С. Булгакова.

¹⁴ В.В. Сапов, *Философ преображённого эроса*, [в:] Б. Вышеславцев, *Этика...*, с. 10.

¹⁵ Б. Вышеславцев, *Достоевский о любви и бессмертии*, [в:] *Русский Эрос или философия любви в России. Сост. и авт. вс. ст. В.П. Шестаков*, Москва 1991, с. 366.

Streszczenie

*Transformacja koncepcji Erosa Platona
w filozoficzno-etycznej twórczości B. Wyszesławcewa*

W artykule analizuje się istotę Erosa w koncepcji rosyjskiego filozofa Borisa Wyszesławcewa w aspekcie nowej interpretacji teorii Platona o Erosie.

Summary

*The transformation of Platon's eros conception in philosophical
and ethical creative work of B. Vysheslavtsev*

In the article analyzed is the essence of Eros in the conception of the Russian philosopher Boris Wyszeslawcew against the background of the New interpretation of Plato's theory relating to Eros.